

От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации

Дмитрий Леонтьев

Статья поступила в редакцию в январе 2024 г.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000 Москва, Армянский пер., 4, корп. 2. E-mail: dleontiev@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

Аннотация

В статье подвергнуты систематическому анализу ключевые объяснительные понятия разного уровня обобщенности, используемые в психологическом и междисциплинарном контексте для объяснения феномена самостоятельности. Феномен самостоятельности определяется исходя из понимания личности как того, что человек как автономный субъект может противопоставить внутренним импульсам и внешним давлениям, биологическим и социальным детерминантам, действующим изнутри и извне. Наиболее близкое к нему объяснительное понятие «субъектность» используется как русскоязычный аналог англоязычного термина *agency*; перевод последнего словом «агентность» рассматривается как дезориентирующий. Субъектность (*agency*) видится как свойство личности, отражающее меру ее способности инициировать и контролировать свои действия. Субъектность выступает как объяснительное понятие по отношению к наблюдаемому феномену самостоятельности, однако, будучи целостным и нерасчленимым, оно, в свою очередь, нуждается в более детальном анализе. Далее кратко рассматриваются психологические конструкты проактивности, автономии, личностной (личной) причинности и самодетерминации и более частные теоретические модели внутренней/внешней мотивации, фаз мотивированного действия, личностного потенциала как потенциала саморегуляции, свободы и ответственности как двух сторон личностной причинности и самодетерминации, складывающейся на переходе от детства к взрослости. Свобода понимается как высшая форма активности, как та сторона личной причинности и самодетерминации, благодаря которой мы ощущаем себя неподвластными внешним и внутренним давлениям. Ответственность — вторая сторона личной причинности и самодетерминации, высшая форма саморегуляции, связанная с восприятием нами себя как причины каких-то событий в мире, управляемая способность производить целенаправленные изменения в себе и в мире. В заключение рассматривается конструкт жизненной позиции как интегрального отношения субъекта к собственной жизни. Рассмотренные конструкты задают концептуальную рамку для рассмотрения феномена самостоятельности.

Ключевые слова

самостоятельность, агентность, субъектность, автономия, личностная причинность, самодетерминация, мотивация, свобода, ответственность, жизненная позиция

Для цитирования

Леонтьев Д.А. (2024) От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 142–161. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17626>

From the Phenomenon of Self-Sufficiency to the Mechanisms of Self-Determination

Dmitry Leontiev

Dmitry A. Leontiev — Ph.D., Doctor of Sciences in Psychology, Chief Researcher, Head of International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, HSE University. Address: Bld. 2, 4 Armyansky Lane, 101000 Moscow, Russian Federation. E-mail: dleontiev@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2252-9805>

Abstract The paper presents a systematic analysis of key explanatory concepts of different levels of abstraction, being used in the psychological and interdisciplinary concepts for the explanation of the phenomenon of self-sufficiency. The phenomenon of self-sufficiency is defined basing on the understanding of person as the instance which human being as an autonomous agent may oppose to both internal impulses and external pressures, biological and social determinants acting both from within and from outside. The closest construct is that of agency. Agency is viewed as personality variable, reflecting the person's capacity to initiate and control their actions. Agency appears as the explanatory construct as regards the observable phenomenon of self-sufficiency. However, being holistic and indivisible, it, in its turn, needs a more detailed analysis. Such a brief analysis is provided for the psychological constructs of proactivity, autonomy, personal causation and self-determination as well as for more specific theoretical models of intrinsic / extrinsic motivation, phases of a motivated action, personality potential as the potential of autoregulation, and freedom and responsibility as two sides of personal causation and autodetermination, taking shape during the transition from childhood to adulthood. Freedom is treated as the highest form of activity, a side of personal causation and autodetermination which allows us feeling independent of outer pressures and inner impulses. Responsibility is the second side of personal causation and autodetermination, the highest form of autoregulation, associated with viewing oneself as a cause of some events in the world, it is a controlled capacity of producing goal-directed changes in oneself and in the world. In conclusion the construct of personal life position as an integral person's attitude to one's own life is introduced. The constructs analyzed in the paper present the multilevel conceptual frame for treating the phenomenon of self-sufficiency.

Keywords self-sufficiency, agency, autonomy, personal causation, self-determination, motivation, freedom, responsibility, personal life position

For citing Leontiev D.A. (2024) Ot fenomena samostoyatel'nosti k mekhanizmam samodeterminatsii [From the Phenomenon of Self-Sufficiency to the Mechanisms of Self-Determination]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 142–161. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17626>

Начиная любое исследование, прежде всего необходимо определиться с тем, какое содержание мы вкладываем в ключевые для этого исследования понятия. Слово «самостоятельность» не имеет устойчивого статуса в системе научных терминов. В обыденном языке этим словом обозначается некоторый целостный феномен, а именно поведение человека, которое внешний наблюдатель трактует как самостоятельное или несамостоятельное. Деконструкция обыденного понятия — первоочередная задача научного исследования феномена самостоятельности. Психология

здесь предлагает оптику с более сильным увеличением и разрешением по сравнению с социологией, культурологией и науками об образовании. Перед последними не стоит задача расчленения этого целостного феномена, в то время как психологии необходимо докапываться до частных механизмов, что я и пытаюсь сделать в данной статье.

Оттолкнемся от определения самостоятельности как «способности принимать решения и эффективно действовать в различных контекстах и сферах общественной и личной жизни в ситуации отсутствия прямого, зачастую достаточно жесткого принуждения и контроля со стороны внешних по отношению к человеку сил (что было характерно, например, для организации труда и образования, а также социальной и семейной жизни в XX веке)». Оно сформулировано в подготовленном к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества докладе «Новые требования к человеческому потенциалу: развитие самостоятельности» [Сорокин и др., 2022. С. 4].

Это определение вызывает несколько вопросов.

Во-первых, способность принимать решения и способность эффективно действовать — это не одна способность, а две разные способности. Одни люди могут успешно принимать решения, но у них возникают трудности при переходе к действию. А другие могут эффективно действовать, но им самим трудно принимать решения. Они идеальные исполнители, они действуют ответственно, целенаправленно и эффективно — но на основании решений, которые приняли не они, а кто-то еще. То есть эти две способности не всегда совмещаются в одном человеке, не всегда сопутствуют друг другу. Я трактую их, в частности, как две стороны личностного потенциала, о котором речь пойдет ниже. Во-вторых, непонятно указание на «отсутствие прямого принуждения и контроля». Они могут и присутствовать, и тогда возникает естественный конфликт внешнего контроля со стремлением личности к самостоятельности. В-третьих, принуждение и контроль могут исходить не только от внешних по отношению к человеку сил. Не менее важным фактором, определяющим поведение человека, может быть принуждение со стороны внутренних импульсов, наших бессознательных сил, со стороны того, что находится внутри нас, но что мы не отождествляем со своим «Я». В последнее время в этом контексте опять стали расширительно использовать слово «инстинкты», что, впрочем, абсолютно некорректно.

Я некоторое время тому назад дал рабочее определение личности, которое хорошо вписывается в приведенную трактовку самостоятельности: «Личность — это то, что человек может противопоставить внутренним импульсам и внешним давлениям, самоопределяясь по отношению к миру и обществу» [Леонтьев,

2013. С. 69]. Человек не есть равнодействующая внутренних импульсов и внешних давлений, биологического и социального, сил, действующих изнутри и извне. Кроме этих двух видов сил и источников нашего поведения и наших решений, есть еще что-то третье, что мы как автономные самостоятельные субъекты можем уже сами со своей стороны противопоставить и тому и другому. Феномен самостоятельности, таким образом, возникает на базе феномена личности.

**Субъектность
(агенсу)
как основание
самостоятель-
ности**

Еще одно ключевое для исследования феномена самостоятельности понятие — часто используемый в последнее время в этом контексте термин «агентность». Это слово служит для перевода англоязычного термина *agensu*, вошедшего в лексикон наук о человеке с 1980-х годов. Речь идет о способности индивида выступать «агентом» (субъектом), т.е. активно действующим лицом, движущей силой действия. Согласно одному из популярных определений, *agensu* — это «осуществленная возможность людей воздействовать на их мир, а не только познавать его и приписывать ему личную или интерсубъективную значимость. Эта способность представляет собой присущую людям силу действовать целенаправленно и рефлексивно, находясь между собой в более или менее сложных взаимоотношениях, корректируя и переделывая мир, в котором они живут, в обстоятельствах, в которых они могут считать желательными и возможными разные направления действий, хотя не обязательно под одним и тем же углом зрения» [Inden, 1990. P. 23]. Использование для перевода этого понятия на русский слова «агентность» видится двусмысленным, по крайней мере если рассматривать его в психологическом контексте, как это делается в рамках данной статьи.

В юридической теории и практике словом «агент» обозначается не самостоятельный субъект; наоборот, агент — это несамостоятельное лицо, которое действует по поручению и в интересах другого лица, именуемого принципалом. Здесь перед нами прямо противоположная семантика. И это расхождение встречается не только в юридической литературе. В классической книге «Подчинение авторитету» Стэнли Милгрэм [Milgram, 2009] вводит понятие «агентский сдвиг». Так он обозначает экспериментально выявленный им феномен: человек начинает действовать, полностью следуя указаниям незнакомого человека. Напомню, нашумевшие в конце 1960-х — начале 1970-х годов исследования С. Милгрэма сенсационно доказали, насколько легко побудить обычных людей совершать зло, агрессию по отношению к незнакомому им человеку, причинять ему боль и страдания, мотивируя свои действия авторитетным давлением. Под влиянием такого психологического давления человек приходит в состояние, которое Милгрэм на-

зывает агентным. В таком состоянии человек рассматривает себя как орудие исполнения чужих желаний и оправдывает свои действия: «Я же делаю только то, что мне говорили, я не виноват».

Приведенных аргументов, полагаю, достаточно, чтобы убедиться: не стоит использовать по меньшей мере сильно двусмысленное русское слово «агентность» для перевода понятия *agency*. В свое время [Леонтьев, 2010] я обосновывал примерную эквивалентность понятию *agency* русского термина «субъектность». Он и без какого-либо соотнесения с англоязычным аналогом активно используется в отечественной философско-психологической традиции; можно сослаться на таких авторов, как В.А. Петровский, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, Е.А. Сергиенко, А.И. Осницкий, которые разрабатывали и разрабатывают в психологии конструкт субъектности. Этот конструкт выражает способность человека не просто быть индивидом, пассивно реагирующим на давление, а иметь источник своей активности в себе, быть активным деятелем. При всем различии взглядов упомянутых авторов большинство из них связывают субъектность с проблематикой саморегуляции в широком смысле слова. Субъектность «позволяет представить человека как автора и сценариста своих действий, с присущей ему целеустремленностью, четкими ценностными ориентациями, направленностью на самосовершенствование и саморазвитие. Примечательно, что способность к этому человек обретает, лишь накопив определенный опыт взаимоотношений с окружающими и опыт использования собственных средств саморегуляции» [Осницкий, 2007. С. 238]. Понятие «субъектность» в рамках философской оппозиции «субъект — объект» выражает свойство субъекта не быть объектом, во всяком случае быть больше, чем объектом. В отличие от объекта субъект является источником действий, источником отношений, источником позиции. Субъект может относиться к объекту по-разному и может действовать по отношению к нему. Напротив, объект не может действовать по отношению к субъекту.

Отдельным вопросом выступает специфика так называемых субъект—субъектных отношений. Я посвятил этому вопросу специальную работу [Леонтьев, 1989; Leontiev, 1992], в которой попытался снять противопоставление субъект—объектных и субъект—субъектных отношений, введя понятие со-субъектности в рамках тернарного субъект—субъект—объектного взаимодействия. В частности, таково педагогическое взаимодействие, участники которого — со-субъекты единой общей деятельности с едиными общими объектами.

Еще один важный контекст, в котором в русскоязычном словоупотреблении используется понятие «субъектность» как перевод термина *agency*, — это теория эволюции ценностей Кристиана Вельцеля [Welzel, 2013], представляющая собой развитие теории

культурной эволюции Роналда Инглхарта [Inglehart, 2018]. Анализируя вслед за Инглхартом более частные механизмы изменения всего социального ландшафта вследствие сдвигов ценностей на уровне наций, К. Вельцель обращается к тем ценностям, которые выступают как основание субъектности. Он разделяет их на светские ценности, или ценности свободы, означающие дистанцирование от традиционных коллективистских «скреп», и эмансипативные ценности, или ценности ответственности, в которых проявляются свобода выбора и равенство возможностей участников хозяйственной деятельности. К. Вельцель [Welzel, 2013] показывает, что свободы воплощают эволюционную полезность и соответствующие ценности приобретают для людей большую значимость на том этапе развития хозяйствования, когда субъектность оказывается экономически оправданна, выгодна, востребована, необходима. «Формируя человеческий интеллект, эволюция изобрела свой собственный ускоритель — субъектность, т.е. способность действовать целенаправленно. Субъектность позволяет намеренно экспериментировать, что ускоряет открытие более эффективных решений» [Ibid.]. «Субъектность — эмансипирующее, освобождающее качество, избранное эволюцией за способность формировать реальность» [Ibid.]. В самых архаических вариантах хозяйствования и организации общества субъектность по большому счету не дает никаких преимуществ. А на продвинутых уровнях развития экономики субъектность становится важным конкурентным фактором, фактором эволюции и фактором развития. Возникает социальный запрос на субъектность.

Еще один очень интересный заход к проблеме субъектности (*agency*) обнаруживается в работах выдающегося гуманитария и методолога социальных наук Рома Харре [Harre, 1979; 1984] (см. [Леонтьев, 2000]). Харре показывает, что субъектность представляет собой сложную, многоярусную архитектуру саморегуляции. Один из критериев субъектности — наличие у человека не только высших регуляторных оснований, с которыми он соотносит все свое поведение, но и способности произвольно изменять эти высшие основания. Ограничена субъектность у человека, который не может «поступиться принципами»: он — раб своих принципов. А тот, кому субъектность свойственна, может и пересмотреть свои принципы, разумеется, при наличии для этого веских оснований. Рассказывают, что философа Бертрана Расселла однажды спросили, пойдет ли он на смерть за свои убеждения. Расселл ответил: «Конечно, нет, я же могу и ошибаться». Таким образом, высшая форма субъектности предстает как способность допускать сомнения в своей правоте и проделывать работу над своими ошибками, перестраивать свою саморегуляцию. А человек, который не допускает сомнения в своей правоте, вовсе не образец субъектности и самостоятельности.

Итак, субъектность (*agency*) как свойство личности видится в ее способности инициировать и контролировать свои действия. Это свойство может иметь разную степень индивидуальной выраженности и в принципе измеримо на основании традиционной психометрической методологии [Куляпина, Фам, Золотарева, 2024]. Субъектность выступает как объяснительное понятие по отношению к наблюдаемому феномену самостоятельности, однако, будучи целостным и нерасчленимым, оно, в свою очередь, нуждается в более детальном анализе.

Подходы к субъектности в психологии: проактивность, автономия и самодетерминация

Проследим далее, как ставилась проблема внутренних источников собственного поведения в психологии XX в.

В 1930-е годы Гордон Олпорт, основатель современной психологии личности, оппонируя бихевиоризму, утверждавшему реактивный характер человеческих действий, ввел понятие проактивности личности [Allport, 1961]. Идея проактивности, несводимости поведения к пассивному реагированию на стимулы, была для него принципиальной, и в тот период он был едва ли не единственным академическим психологом, не считая К. Гольдштейна, который поставил эту идею во главу угла. Г. Олпорту не удалось сколько-нибудь убедительно объяснить механизмы проактивности, тем не менее он оказал влияние на целое поколение психологов, которые смогли приблизиться к ответу на этот вопрос. Понятие проактивности сохранилось в психологическом тезаурусе и по сей день, однако в более узком, специфическом значении — как опережающей активности, направленной на предвосхищение будущего. Этот оттенок значения присутствовал уже у Г. Олпорта, но не был для него определяющим. В современных работах, в частности, укоренилось понятие проактивного совладания — совладания, ориентированного на предвосхищение (см., например, [Старченкова, 2009; Агадуллина, Белинская, Джураева, 2020]).

Примерно в то же время, в середине 1930-х годов, близкие идеи, хоть и вне контекста академической науки, высказывал К.Г. Юнг. В статье «О становлении личности», вышедшей в 1934 г. [Jung, 1954], он обосновывает представление о развитии личности как о процессе, который требует усилий, вложения себя. Это вовсе не естественный автоматический ход событий, который можно обнаружить у каждого, это редкое явление. Развитая личность, писал Юнг, отличается тем, что она развивается по своему собственному закону. В этом тезисе коренятся истоки появившегося в обиходе в 1970-е годы и позднее получившего признание понятия личностной автономии. К.Г. Юнг не использовал слово «автономия», но фактически имплицитно ввел это понятие, утверждая, что для развитой личности характерен свой собственный закон. В переводе с древнегреческого «автономия» означа-

ет «своезаконие». Автономными назывались города-государства, которые жили по своему закону, а не по закону каких-то более крупных политических образований, которые имели собственное управление и собственное законодательство. В психологии понятие автономии было подхвачено несколько десятилетий спустя после публикации работ Юнга [Дергачева, Леонтьев, 2011].

Более систематическая разработка этой проблематики относится уже к 1970-м годам. В 1968 г. вышла ставшая вехой в исследованиях субъектности книга Ричарда де Чармса «Личная причинность» [De Charms, 1968]. В ней сформулирован тезис, что человек при определенных условиях может выступать причиной собственных действий. Здесь очевидна преемственность с идеями Г. Олпорта и К.Г. Юнга, но Р. де Чармс пошел дальше и ввел представление о том, что существуют индивидуальные различия в способности выступать причиной собственного поведения. Полюса континуума, который составляют варианты выраженности этой способности, задаются понятиями «причина» (*origin*), т.е. сам человек как причина происходящего, и «пешка» (*pawn*). Я — причина событий или пешка? Важно, что идеи де Чармса были соотнесены с академическим контекстом того времени.

Уже через несколько лет после выхода книги Р. де Чармса, в начале 1970-х, стали появляться работы, с которых началось то, что сейчас называется теорией самодетерминации. Она связана с двумя именами: Эдвард Деси и присоединившийся к нему десятилетие спустя более молодой Ричард Райан. Наиболее полное и системное изложение этой теории содержится в вышедшей несколько лет назад обобщающей книге [Ryan, Deci, 2017] (см. также [Гордеева, 2015]). Началась она с выделения и различения видов мотивации. Э. Деси принадлежит четкое различение внутренней и внешней мотивации, которое стало очень важным шагом в развитии эмпирических исследований. Источники, которые нами движут, могут быть очень разными по своей природе. Мы можем действовать, находя мотивацию внутри себя и получая удовольствие от процесса, — это внутренняя мотивация. Внешняя мотивация движет нами, когда сам процесс никакого удовольствия не доставляет, но отчуждаемый результат дает какие-то блага, не обязательно чисто прагматические. Можно, например, делать что-то неприятное, чтобы порадовать другого человека и принести пользу. На такой мотивации основана волонтерская деятельность, волонтер понимает: то, что он делает, важно и нужно. Внутренняя мотивация или, шире, автономная мотивация, которая наряду с внутренней включает также высшие формы внешней мотивации, выступает как одна из основ самостоятельности.

Итак, анализ релевантных психологических конструктов приводит нас к выделению ряда ключевых психологических механизмов, служащих объяснением феномена самостоятельности/

субъектности. В их числе внутренний закон (внутренний мир, внутренние основания действия), автономная мотивация, личностный потенциал, самодетерминация.

Необходимо отметить одну лингвистическую тонкость, которая исчезает при переводе понятия *self-determination* на русский язык словом «самодетерминация» (это же относится и к таким понятиям, как «самореализация» и «самоактуализация»). Частица *self* в этих английских терминах является не просто возвратным префиксом «само-», как она переводится обычно на русский. Речь идет о некоторой сущности под названием *self* (личность, «Я» или самость). Таким образом, *self-determination* — это не просто самодетерминация, а это детерминация со стороны моего «Я». И здесь возникают непростые вопросы о природе этого «Я». Стремление избежать этих вопросов побудило меня найти и начать использовать в англоязычных текстах другой термин: *auto-determination* — автодетерминация [Leontiev, 2020]. Он означает то же самое, что и *self-determination*, только без отсылки к таинственной сущности «Я» (*self*), с которой до сих пор не очень понятно, как работать. Вместо нее в качестве основания автономного действия мыслятся процессы самоорганизации, которые не менее таинственны, чем «Я», но число сущностей при этом не увеличивается.

**Решение,
действие
и личностный
потенциал**

Необходимо сказать несколько слов про соотношение принятия решения и действия, которые слиты в приведенном выше исходном определении самостоятельности. Эти процессы убедительно и четко разделены Х. Хекхаузенем, создавшим со своими учениками Ю. Кулем и П. Голвитцером так называемую модель Рубикона, описывающую переход от намерения к действию [Heckhausen, 1991]. Модель Рубикона во многом заместила традиционные подходы к исследованию воли. Авторы иллюстрируют ее историческим эпизодом из жизни Юлия Цезаря. В 49 г. до н.э. Юлий, контролировавший со своим войском одну из завоеванных Римом провинций, собирался нарушить приказ верховных правителей империи, перейти с войском пограничную речку Рубикон и пойти на Рим с целью захвата власти, развязав тем самым гражданскую войну. Рубикон — это маленькая речушка, коню по колено, перейти ее не составляло труда. Но психологически это было тяжелое решение: Цезарь понимал, что, стоит войску начать двигаться через границу, события будут развиваться далее по своей логике, он утратит над ними контроль и мир перейдет в качественно другое состояние. Как известно, он перешел Рубикон и двинул войска на Рим.

Х. Хекхаузен с соавторами использовали эту модель для того, чтобы проанализировать механизмы перехода от намерения к

действию. Они выявили две принципиальные фазы в любом действии: мотивационную и волевою. В мотивационной фазе субъект должен определиться, что он будет делать, поставить цель, сформировать намерение. Из разных вариантов действий выбирается один, который будет направлен на исполнение. Из неопределенности создается определенность, вызов неопределенности трансформируется в вызов множества возможностей и понимание того, что мы будем делать, приняв на себя ответственность за некоторые решения. Но нет объяснения, что происходит в тот момент, когда Цезарь решается перейти Рубикон. Он просто принимает на себя ответственность за это решение. И никакими способами невозможно предсказать, что произойдет, и в какой момент времени. Это чисто экзистенциальный акт принятия ответственности, который переводит действие в другую фазу, волевою. Начинается движение к цели. В этой фазе даже сознание меняется. Пока решение не принято, сознание субъекта максимально открыто всем возможностям, как только решение принимается, сознание «схлопывается»: впереди одна цель, она однозначна и императивна, и надо ее максимально эффективным способом достигать. Когда цель достигнута или в случае отказа от цели, который тоже возможен, субъект возвращается в исходную точку мотивационной фазы. Я в свое время проинтерпретировал эти две универсальные фазы любого действия как экзистенциальный цикл взаимодействия с миром и описал варианты «застревания» на той или иной фазе [Леонтьев, 2006; 2011].

Вернемся к определению самостоятельности. Самостоятельность в принятии решения и самостоятельность в достижении цели — это две разные самостоятельности, и они совершенно не обязательно сочетаются. В одном из первых исследований моей группы по изучению личностного потенциала эти две фазы действия, или две стороны личностного потенциала, удалось эмпирически развести [Леонтьев и др., 2007]. Если у человека хорошо с самоопределением и выбором, у него не обязательно хорошо и с достижением цели. И наоборот, если хорошо с достижением, не обязательно хорошо с самоопределением и выбором. Одна функция личностного потенциала — быть способным принять решение, создать субъективную определенность из объективной неопределенности. Вторая — при наличии цели эффективно ее достичь. Возможна диспропорция, дисбаланс этих двух сторон личностного потенциала. Эти две стороны личностного потенциала у разных людей выражены по-разному. Бывают достижения, «эффективные менеджеры», которые способны достичь любую цель, но не в состоянии поставить цель под вопрос и задуматься о цели или изменить свои цели. А бывают, наоборот, люди, соответствующие расхожему стереотипу «гнилого интеллигента», которые бесконечно наслаждаются или, наоборот, му-

чаются игрой разных возможностей и никак не могут перейти от планирования к действию. Эти два варианта застревания на одной или другой фазе описаны соответственно как «синдром Макбета» и «синдром Гамлета» [Леонтьев, 2006; 2011]. Позднее была добавлена еще третья функция и третья подструктура личностного потенциала: в условиях внешних давлений и угроз справиться с этими угрозами, сохранить себя, свои ориентиры, свою цельность и свое целеполагание.

Связь личностного потенциала с субъектностью и самодетерминацией можно рассматривать в двух основных аспектах. Во-первых, личностный потенциал определяется как потенциал саморегуляции [Леонтьев, 2006; 2011], а самодетерминация выступает как один из высших уровней саморегуляции [Леонтьев, 2016], открывающий личности возможность найти источники целеполагания в себе, в своих отношениях с миром, в своих ценностных ориентирах. Во-вторых, личностный потенциал служит реализации целей и мотивов личности, он позволяет субъекту поставить его собственные ресурсы, его человеческий капитал на службу самому субъекту, его интересам, а не интересам других людей и социальных общностей, что неизбежно происходит при недостаточно развитом личностном потенциале [Леонтьев, 2019].

**Свобода
и ответствен-
ность как две
стороны
личной
причинности**

Вернемся теперь к личной причинности. Что такое личная причинность? Что значит быть самодетерминированным? Я пытался найти ответ на эти вопросы через понятия свободы и ответственности, которые я рассматриваю как ядерные структуры личности [Леонтьев, 1993].

Свобода и ответственность — это две стороны личной причинности¹. Первая сторона — способность не быть пешкой, т.е. не быть механизмом реализации чужих интенций, исполнителем внешней воли. Благодаря ей мы ощущаем себя свободными от внешних давлений. Ответственность — это вторая сторона личной причинности, связанная с восприятием нами себя как причины каких-то событий в мире. Можно определить ответственность как управляемую способность производить целенаправленные изменения в себе и в мире. Действительно, отвечать за события может только их причина. Таким образом, ответственность — это способность быть причиной, а свобода — это способность не быть следствием других причин. Это два взаимодополняющих механизма, из которых, на мой взгляд, складывается личная причинность.

¹ Леонтьев Д.А. (2015) Власть над жизнью. О философии и психологии свободы и ответственности. НГ-Exlibris: https://www.ng.ru/stsenarii/2015-10-27/9_freedom.html

Движение от меньшей к большей автономии, от детерминированности к самодетерминации — это естественная тенденция, поэтапное преодоление того, что Эрих Фромм назвал психологическим симбиозом [Fromm, 1956; 1941]. Человек, утверждает Фромм, находится в ситуации постоянного рождения, когда он появляется на свет — это только первый этап рождения. Дальше он продолжает рождаться во многих других смыслах. И окончательно рождается только в старости, хотя трагическая участь многих, говорит Фромм, — умереть, не успев родиться. И это рождение происходит через разные этапы преодоления «психологического симбиоза». Первое рождение — когда тело новорожденного отделяется от тела матери, обрезается пуповина, появляется автономный обмен веществ в первую очередь. Это первый этап автономии, первый этап эмансипации на уровне организма, на уровне телесности. На следующем этапе автономной становится локомоция, способность передвигаться. Дальше развивается познание, самостоятельная ориентация в мире. Наконец, в подростковом возрасте автономными становятся смыслы и ценности. Случаются болезненные конфликты, когда родители обнаруживают, что у ребенка возникают смыслы и ценности, не совпадающие с тем, что они в него закладывают. Все это этапы движения от симбиотически слитого с материнским организмом организма и личности новорожденного к автономной личности. Движение личности к автономии хорошо описывается цитатой из интервью Иосифа Бродского: «Человек — существо автономное, и на протяжении всей вашей жизни ваша автономность все больше увеличивается. Это можно уподобить космическому аппарату: поначалу на него в известной степени действует сила притяжения — к дому, к базе, к вашему, естественно, Байконуру, но по мере того, как человек удаляется в пространство, он начинает подчиняться другим, внешним законам гравитации»².

Но разные люди проходят эти этапы не одинаково успешно. На основе представления о свободе и ответственности как двух взаимодополняющих сторонах личной причинности была построена модель развития самодетерминации личности при переходе от детства к взрослости, концепция постепенного движения к автономии и самодетерминации как способности действовать, основываясь на собственных долгосрочных интересах и смысловых ориентациях. Ключевая идея модели заключается в том, что свобода и ответственность имеют разные источники, разные корни, разные пути развития. Свобода является формой активности, высшей формой спонтанности. Если спонтанность — это элементарная психическая функция, то свобода — высшая психическая функция, опосредованная, социальная и произвольная.

² Бродский И. (2000) Большая книга интервью. М.: Захаров. С. 472.

Ответственность — это форма саморегуляции, на каком-то этапе возникающая по ходу развития ее форм и механизмов. Свобода и ответственность имеют разные источники развития, но пересекаются в подростковом возрасте. Интеграция свободы и ответственности, их слияние в свободную и саморегулируемую ответственность личности обеспечивает здоровое разрешение подросткового кризиса и формирование автономной личности. Если свобода и ответственность недостаточно развиты, что в индивидуальных случаях бывает достаточно часто, человек входит во взрослую жизнь с неразрешенным подростковым кризисом и неразвитой способностью к самодетерминации.

В цикле исследований были описаны основные паттерны развития личности на основе разных вариантов сочетания свободы (высокой или низкой) и ответственности (высокой или низкой), их корреляции с другими переменными, их следствия и причины [Калитеевская, Леонтьев, 2006; Kaliteyevskaya, Leontiev, 2004; Калитеевская и др., 2007; Kaliteyevskaya et al., 2006; Осин, Леонтьев, Буровихина, 2009; Леонтьев, Калитеевская, Осин, 2011; Леонтьев, Сулимина, Бастракова, 2014; Сулимина, 2014; Леонтьев, Сулимина, 2015]. Автономный паттерн развития личности образуется сочетанием развитой свободы и развитой ответственности. Противоположен ему конформный паттерн: в этом случае на выходе из подросткового кризиса обнаруживаются низкая свобода и низкая ответственность, что характеризует человека, который «плывет по течению». Один промежуточный вариант — симбиотический паттерн, для которого характерны развитая свобода и неразвитая ответственность, свойственен людям, которые являются идеальными исполнителями чужих целей или носителями чужих ценностей, они хорошо справляются со своими действиями, но не определяют сами, что будут делать в жизни. Другой промежуточный вариант — импульсивный паттерн как сочетание высокой свободы и низкой ответственности. Он характеризует человека, который идет на поводу своих желаний, сам себя плохо контролирует и часто не может с собой справиться. Эти паттерны не полностью инвариантно воспроизводятся во всех исследованиях, но в целом дают картину, согласующуюся с изложенной моделью. Интересно, что наиболее устойчивым в разных выборках и в разные периоды времени оказывается автономный паттерн.

**Жизненная
позиция
как интеграл
субъектности**

Интегральной структурой, объединяющей разные аспекты субъектности, является жизненная позиция личности как отношение человека к собственной жизни [Леонтьев, 1993]. Виктор Франкл [Frankl, 1969] писал, что свобода человека как раз выражается в способности занять позицию по отношению ко всему, что нас детерминирует, в том числе к нашей наследственности, к влечениям

и к воздействиям внешней среды. В этом, по Франклу, заключается фундаментальная антропологическая способность к само-дистанцированию, или самоотстранению.

Изначально я выделял два параметра жизненной позиции: более или менее осознанное отношение к собственной жизни (осознает человек свою жизнь как целое или относится к ней бездумно) и субъектность (старается он влиять на ее протекание или, наоборот, плывет по течению, не пытаясь вмешаться: пусть все идет как идет) [Леонтьев, 1993]. Недавно к ним добавился третий параметр — гармония своего «Я» и своей жизни: соответствует жизнь человека его ощущению себя или между ними существует разлад [Леонтьев, Шильманская, 2019]. Соответственно в теоретической модели выделяются эти три компонента: осознанность жизни, или рефлексивность, активность по отношению к жизни, или субъектность, и гармония с жизнью, или аутентичность. Для диагностики этих трех параметров жизненной позиции разработан опросник из 12 пунктов [Там же]. По нему собрано уже много данных, большая часть из них не опубликована, но в целом они позволяют судить об этой методике как о валидной и надежной. В частности, результаты эксплораторного и конфирматорного факторного анализа свидетельствуют о хорошем соответствии опросника теоретической модели. Интересно, что все три шкалы методики значимо коррелируют с верой в свободу воли, выявленной с помощью другой новой методики — ВСД (вера в свободу/детерминизм) [Моспан, Леонтьев, 2021].

Заключение Цель данной статьи состоит в теоретической деконструкции понятия «самостоятельность» и выходе на психологические объяснительные механизмы, лежащие в основе этого целостного феномена. Наиболее точно описательному понятию самостоятельности, используемому в обыденной речи и в педагогических науках для характеристики определенного наблюдаемого поведения, соответствует понятие «субъектность» как свойство личности, отражающее ее способность инициировать и контролировать свои действия. Понятие «субъектность» является приблизительным аналогом гораздо более широко употребляемого в междисциплинарных контекстах англоязычного термина *agency* (перевод последнего как «агентность», как показано выше, скорее дезориентирует).

Будучи целостным и нерасчленимым, понятие субъектности нуждается в более детальном анализе. С этой целью в статье сначала рассмотрены предлагавшиеся в психологии целостные же объяснительные конструкторы проактивности, автономии, личностной причинности и самодетерминации. Затем мы кратко представили более частные теоретические модели, посвящен-

ные конкретно-психологическим механизмам, предположительно лежащим в основе субъектности и самостоятельного поведения: модели внутренней мотивации, фаз мотивированного действия, личностного потенциала, свободы и ответственности как двух сторон личной причинности и трех измерений жизненной позиции как отношения субъекта к собственной жизни.

Мы видим, что рассмотренные конструкты во многом пересекаются между собой. Понятия личной причинности, самодетерминации, свободы и ответственности задают концептуальную рамку, в которую вписываются феномены самостоятельности, субъектности и автономии. Еще более общими понятиями, которые, в свою очередь, задают концептуальную рамку для понятий личной причинности, самодетерминации, свободы и ответственности, а также жизненной позиции, выступают понятия активности, отношения, сознания и саморегуляции, которые можно рассматривать как аспекты целостного явления жизни [Леонтьев, 2009].

Изложенное позволяет вписать феномен самостоятельности в широкий междисциплинарный контекст и раскрыть его многогранный смысл.

Благодарности

Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Белинская Е.П., Джуроева М.Р. (2020) Личностные и ситуационные предикторы проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями: кросс-культурные различия. *Национальный психологический журнал*, № 3 (39), сс. 30–38. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0304>
2. Гордеева Т.О. (2015) *Психология мотивации достижения*. М.: Смысл.
3. Дергачева О.Е., Леонтьев Д.А. (2011) Личностная автономия как составляющая личностного потенциала. *Личностный потенциал: структура и диагностика* (ред. Д.А. Леонтьев), М.: Смысл, сс. 210–240.
4. Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А. (2006) Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте. *Вопросы психологии*, № 3, сс. 49–55.
5. Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Бородкина И.В. (2007) Смысл, адаптация и самодетерминация у подростков. *Вопросы психологии*, № 2, сс. 68–79.
6. Куляпина А.М., Фам А.Х., Золотарева А.А. (2024) Чувство субъектности: понятие, структура, диагностика. *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*, № 1, сс. 127–141. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-19790>
7. Леонтьев Д.А. (2019) Три мишени. Личностный потенциал: зачем, что и как? *Образовательная политика*, № 3 (79), сс. 10–16.
8. Леонтьев Д.А. (2016) Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, № 4 (62), сс. 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
9. Леонтьев Д.А. (2013) Личностное измерение человеческого развития. *Вопросы психологии*, № 3, сс. 67–80.

10. Леонтьев Д.А. (2011) Личностный потенциал как потенциал саморегуляции. *Личностный потенциал: структура и диагностика* (ред. Д.А. Леонтьев). М.: Смысл, сс. 107–130.
11. Леонтьев Д.А. (2010) Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности. *Эпистемология и философия науки*, т. XXV, № 3, сс. 136–153. <https://doi.org/10.5840/eps201025361>
12. Леонтьев Д.А. (2009) Жизнь: опыт междисциплинарного определения. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*, № 2 (15), сс. 142–145.
13. Леонтьев Д.А. (2006) Личностный потенциал как потенциал саморегуляции. *Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова*. Вып. 2 (ред. Б.С. Братусь, Е.Е. Соколова), М.: Смысл, сс. 85–105.
14. Леонтьев Д.А. (2000) Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности. *Психологический журнал*, т. 21, № 1, сс. 15–25.
15. Леонтьев Д.А. (1993) *Очерк психологии личности*. М.: Смысл.
16. Леонтьев Д.А. (1989) Совместная деятельность, общение, взаимодействие. *Вестник высшей школы*, № 11, сс. 39–45.
17. Леонтьев Д.А., Калитеевская Е.Р., Осин Е.Н. (2011) Личностный потенциал при переходе от детства к взрослости и становление самодетерминации. *Личностный потенциал: структура и диагностика* (ред. Д.А. Леонтьев), М.: Смысл, сс. 611–641.
18. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Осин Е.Н., Плотникова А.В., Рассказова Е.И. (2007) Опыт структурной диагностики личностного потенциала. *Психологическая диагностика*, № 1, сс. 8–31.
19. Леонтьев Д.А., Сулимина О.В. (2015) Траектории личностного развития при переходе от детства к взрослости и их динамика в историко-культурном измерении. *Горизонты зрелости* (ред. Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова), М.: МГППУ, сс. 12–21.
20. Леонтьев Д.А., Сулимина О.В., Бастракова А.С. (2014) Траектории личностного развития у подростков, воспитывающихся в семье, и подростков-сирот. *Вопросы психологии*, № 4, сс. 30–48.
21. Леонтьев Д.А., Шильманская А.Е. (2019) Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Вопросы психологии*, № 1, сс. 90–100.
22. Моспан А.Н., Леонтьев Д.А. (2021) Апробация и валидизация методики веры в свободу/детерминизм на российской выборке. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, т. 18, № 1, сс. 109–128. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-109-12>
23. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А., Буровихина И.А. (2009) Паттерны саморегуляции и психологическое благополучие в подростковом возрасте. Материалы II Международной научно-практической конференции «Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России» (Кисловодск, 2009, 11–14 ноября), сс. 266–271.
24. Осницкий А.К. (2007) Структура и функции регуляторного опыта в развитии субъектности человека. *Субъект и личность в психологии саморегуляции* (ред. В.И. Моросанова), М.: ПИ РАО; Ставрополь: СевКавГТУ, сс. 233–255.
25. Сорокин П.С., Фрумин И.Д., Терентьев Е.А., Корешникова Ю.Н. (2022) *Новые требования к человеческому потенциалу: развитие самостоятельности. Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2022)*. М.: НИУ ВШЭ.
26. Старченкова Е.С. (2009) Концепция проактивного совладающего поведения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, вып. 2, сс. 198–205.
27. Сулимина О.В. (2014) Особенности личностного развития юношей и девушек, воспитывавшихся в семье и вне семьи. *Культурно-историческая психология*, т. 10, № 3, сс. 54–70.

28. Allport G.W. (1961) *Pattern and Growth in Personality*. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston.
29. De Charms R. (1968) *Personal Causation*. New York, NY: Academic Press.
30. Frankl V. (1969) *The Will to Meaning*. New York, NY: Plume.
31. Fromm E. (1956) *The Art of Loving. An Enquiry into the Nature of Love*. London: George Allen and Unwin Ltd.
32. Fromm E. (1941) *Escape from Freedom*. New York, NY: Farrar & Rinehar.
33. Harre R. (1984) *Personal Being: A Theory for Individual Psychology*. Cambridge, MA: Harvard University.
34. Harre R. (1979) *Social Being: A Theory for Social Psychology*. Oxford: Blackwell.
35. Heckhausen H. (1991) *Motivation and Action*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-75961-1>
36. Inden R. (1990) *Imagining India*. Cambridge, MA: Blackwell.
37. Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing and Reshaping the World*. New York, NY: Cambridge University.
38. Jung C.G. (1954) The Development of Personality. *The Collected Works of C.G. Jung, vol. 17*, Princeton, NJ: Princeton University, pp. 154–173.
39. Kaliteyevskaya E., Leontiev D. (2004) When Freedom Meets Responsibility: Adolescence as the Critical Point of Positive Personality Development. *Positive Psychology. Special Issue of Ricerche di Psicologia*, anno XXVII, no 1, pp. 103–115.
40. Kaliteyevskaya E., Borodkina I., Leontiev D., Osin E. (2006) Meaning, Adjustment and Autodetermination in Adolescence. *Dimensions of Well-Being. Research and Intervention* (ed. A. Delle Fave), Milano: Franco Angeli, pp. 157–171.
41. Leontiev D.A. (2020) Cultural-Historical Activity Theory in the Framework of the “Functional Paradigm”. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya / Cultural-Historical Psychology*, vol. 16, no 2, pp. 19–24. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160203>
42. Leontiev D. (1992) Joint Activity, Communication, and Interaction. *Journal of Russian and East European Psychology*, vol. 30, no 2, pp. 43–58.
43. Milgram S. (2009) *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York, NY: Harper Perennial.
44. Ryan R.M., Deci E.L. (2017) *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York, NY: The Guilford. <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>
45. Welzel Ch. (2013) *Freedom Rising*. New York, NY: Cambridge University.

References

- Agadullina E.R., Belinskaya E.P., Dzhuraeva M.R. (2020) Lichnostnye i situatsionnye prediktory proaktivnogo sovladaniya s trudnymi zhiznennymi situatsiyami: kross-kul'turnye razlichiya [Personal and Situational Predictors of Proactive Coping with Difficult Life Situations: Cross-Cultural Differences]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal / National Psychological Journal*, no 3 (39), pp. 30–38. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0304>
- Allport G.W. (1961) *Pattern and Growth in Personality*. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston.
- De Charms R. (1968) *Personal Causation*. New York, NY: Academic Press.
- Dergacheva O.E., Leontiev D.A. (2011) Lichnostnaya avtonomiya kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala [Personal Autonomy as a Component of Personality Potential]. *Lichnostny potentsial: struktura i diagnostika* [Personality Potential: Structure and Assessment] (ed. D.A. Leontiev), Moscow: Smysl, pp. 210–240.
- Frankl V. (1969) *The Will to Meaning*. New York, NY: Plume.
- Fromm E. (1956) *The Art of Loving. An Enquiry into the Nature of Love*. London: George Allen and Unwin Ltd.

- Fromm E. (1941) *Escape from Freedom*. New York, NY: Farrar & Rinehar.
- Gordeeva T.O. (2015) *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of Achievement Motivation]. Moscow: Smysl.
- Harre R. (1984) *Personal Being: A Theory for Individual Psychology*. Cambridge, MA: Harvard University.
- Harre R. (1979) *Social Being: A Theory for Social Psychology*. Oxford: Blackwell.
- Heckhausen H. (1991) *Motivation and Action*. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-75961-1>
- Inden R. (1990) *Imagining India*. Cambridge, MA: Blackwell.
- Inglehart R. (2018) *Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing and Reshaping the World*. New York, NY: Cambridge University.
- Jung C.G. (1954) The Development of Personality. *The Collected Works of C.G. Jung, vol. 17*, Princeton, NJ: Princeton University, pp. 154–173.
- Kaliteevskaya E.R., Leontiev D.A. (2006) Puti stanovleniya samodeterminatsii lichnosti v podrostkovom vozraste [Paths of Development of Self-Determination of Personality in Adolescence]. *Voprosy Psichologii*, no 3, pp. 49–55.
- Kaliteyevskaya E., Leontiev D. (2004) When Freedom Meets Responsibility: Adolescence as the Critical Point of Positive Personality Development. *Positive Psychology. Special Issue of Ricerche di Psicologia*, anno XXVII, no 1, pp. 103–115.
- Kaliteevskaya E.R., Leontiev D.A., Osin E.N., Borodkina I.V. (2007) Smysl, adaptatsiya i samodeterminatsiya u podrostkov [Meaning, Adaptation and Self-Determination in Adolescents]. *Voprosy Psichologii*, no 2, pp. 68–79.
- Kaliteyevskaya E., Borodkina I., Leontiev D., Osin E. (2006) Meaning, Adjustment and Autodetermination in Adolescence. *Dimensions of Well-Being. Research and Intervention* (ed. A. Delle Fave), Milano: Franco Angeli, pp. 157–171.
- Kulyapina A.M., Fam A.Kh., Zolotaryova A.A. (2024) Chuvstvo sub'ektnosti: ponyatie, struktura, diagnostika [Sense of Agency: Concept, Structure, Assessment]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 1, pp. 127–141. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-19790>
- Leontiev D.A. (2020) Cultural-Historical Activity Theory in the Framework of the "Functional Paradigm". *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya / Cultural-Historical Psychology*, vol. 16, no 2, pp. 19–24. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160203>
- Leontiev D.A. (2019) Tri misheni. Lichnostny potentsial: zachem, chto i kak? [Three Targets. Personality Potential: Why, What and How?]. *The Educational Policy Magazine*, no 3 (79), pp. 10–16.
- Leontiev D.A. (2016) Samoregulyatsiya, resursy i lichnostny potentsial [Autoregulation, Resources, and Personality Potential]. *Siberian Journal of Psychology*, no 4 (62), pp. 18–37. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/3>
- Leontiev D.A. (2013) Lichnostnoe izmerenie chelovecheskogo razvitiya [The Personality Dimension of Human Development]. *Voprosy Psichologii*, no 3, pp. 67–80.
- Leontiev D.A. (2011) Lichnostny potentsial kak potentsial samoregulyatsii [Personality Potential as the Potential for Self-Regulation]. *Lichnostny potentsial: struktura i diagnostika* [Personality Potential: Structure and Assessment] (ed. D.A. Leontiev), Moscow: Smysl, pp. 107–130.
- Leontiev D.A. (2010) Chto daet psichologii ponyatie sub'ekta: sub'ektnost' kak izmerenie lichnosti [What the Concept of Subject Contributes to Psychology: Agency as a Personality Dimension]. *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. XXV, no 3, pp. 136–153. <https://doi.org/10.5840/eps201025361>
- Leontiev D.A. (2009) Zhizn': opyt mezhdistsiplinarnogo opredeleniya [Life: An Attempt of an Interdisciplinary Definition]. *Existential Tradition: Philosophy, Psychology, Psychotherapy*, no 2 (15), pp. 142–145.
- Leontiev D.A. (2006) Lichnostny potentsial kak potentsial samoregulyatsii [Personality Potential as the Potential for Self-Regulation]. *Uchenye zapiski kafedry obshchey psichologii MGU imeni M.V. Lomonosova. Vyp. 2* [Proceedings of the De-

- partment of General Psychology of Lomonosov Moscow State University. Iss. 2] (eds B.S. Bratus, E.E. Sokolova), Moscow: Smysl, pp. 85–105.
- Leontiev D.A. (2000) Psikhologiya svobody: k postanovke problemy samodeterminatsii lichnosti [The Psychology of Freedom: Toward the Investigation of Person's Self-Determination]. *Psychological Journal*, vol. 21, no 1, pp. 15–25.
- Leontiev D.A. (1993) *Ocherk psikhologii lichnosti* [An Essay on Personality Psychology]. Moscow: Smysl.
- Leontiev D. (1992) Joint Activity, Communication, and Interaction. *Journal of Russian and East European Psychology*, vol. 30, no 2, pp. 43–58.
- Leontiev D.A. (1989) Sovmestnaya deyatelnost', obschenie, vzaimodejstvie [Collaboration, Communication, Interaction]. *Vestnik Vysshey Shkoly / Higher School Herald*, no 11, pp. 39–45.
- Leontiev D.A., Kaliteevskaya E.R., Osin E.N. (2011) Lichnostny potentsial pri perekhode ot detstva k vzroslosti i stanovlenie samodeterminatsii [Personality Potential during the Transition from Childhood to Adulthood and the Emergence of Self-Assessment]. *Lichnostny potentsial: struktura i diagnostika* [Personality Potential: Structure and Diagnosis] (ed. D.A. Leontiev), Moscow: Smysl, pp. 611–641.
- Leontiev D.A., Mandrikova E.Yu., Osin E.N., Plotnikova A.V., Rasskazova E.I. (2007) Opyt strukturnoy diagnostiki lichnostnogo potentsiala [An attempt of the Structural Assessment of Personality Potential]. *Psychological Assessment*, no 1, pp. 8–31.
- Leontiev D.A., Sulimina O.V. (2015) Traektorii lichnostnogo razvitiya pri perekhode ot detstva k vzroslosti i ikh dinamika v istoriko-kul'turnom izmerenii [Trajectories of Personality Development during the Transition from Childhood to Adulthood and Their Dynamics in the Historical and Cultural Dimension]. *Gorizonty zrelosti: sbornik nauchnykh statey* [Horizons of Maturity: Collection of Scientific Articles] (eds L.F. Obukhova, I.V. Shapovalenko, M.A. Odintsova), Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, pp. 12–21.
- Leontiev D.A., Sulimina O.V., Bastrakova A.S. (2014) Traektorii lichnostnogo razvitiya u podrostkov, vospityvayushchikhsya v sem'e, i podrostkov-sirot [Trajectories of Personality Development in Adolescents Raised in Families and Orphans]. *Voprosy Psikhologii*, no 4, pp. 30–48.
- Leontiev D.A., Shil'manskaya A.E. (2019) Zhiznennaya pozitsiya lichnosti: ot teorii k operatsionalizatsii [The Life Position of a Person: From Theory to Operationalization]. *Voprosy Psikhologii*, no 1, pp. 90–100.
- Milgram S. (2009) *Obedience to Authority: An Experimental View*. New York, NY: Harper Perennial.
- Mospan A.N., Leontiev D.A. (2021) Aprobatsiya i validatsiya metodiki very v svobodu/determinizm (FAD-Plus) na rossijskoy vyborke [Approbation and Validation of the Freedom/Determinism Beliefs Inventory (FAD-Plus) on the Russian Sample]. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 18, no 1, pp. 109–128. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-109-128>
- Osin E.N., Leontiev D.A., Burovikhina I.A. (2009) Patterny samoregulyatsii i psikhologicheskoe blagopoluchie v podrostkovom vozraste [Patterns of Self-Regulation and Psychological Well-Being in Adolescence]. *Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference "Personal Resource of a Labor Subject in a Changing Russia" (Kislovodsk, 2009, November 11–14)*, pp. 266–271.
- Osnitsky A.K. (2007) Struktura i funktsii regul'yatornogo opyta v razviii sub'ektnosti cheloveka [The Structure and Functions of Regulatory Experience in the Development of Human Agency]. *Sub'ekt i lichnost' v psikhologii samoregulyatsii* [The Subject and Personality in the Psychology of Self-Regulation] (ed. V.I. Mo-

- rosanova), Moscow: Psychology Institute RAE; Stavropol': North Caucasus State Technical University, pp. 233–255.
- Ryan R.M., Deci E.L. (2017) *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. New York, NY: The Guilford. <https://doi.org/10.1521/978.14625/28806>
- Sorokin P.S., Froumin I.D., Terentiev E.A., Koreshnikova Yu.N. (2022) *Novye trebovaniya k chelovecheskomu potentsialy: razvitie samostoyatel'nosti. Doklad k XXIII Yasinskoy (Aprel'skoy) mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva (Moscow, 2022)* [New Requirements for Human Potential: The Development of Independence. Report to the XXIII Yasin (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development (Moscow, 2022)]. Moscow: HSE.
- Starchenkova E.S. (2009) Kontseptsiya proaktivnogo sovladayushchego povedeniya [The Concept of Proactive Coping Behaviour]. *Vestnik St. Petersburg State University. Series 12. Psychology, Sociology Pedagogy*, iss. 2, pp. 198–205.
- Sulimina O.V. (2014) Osobennosti lichnostnogo razvitiya yunoshey i devushek, vospityvavshikhsya v sem'e i vne sem'i [Features of Personality Development in Young People Brought Up in Families and in Orphanages]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya / Cultural-Historical Psychology*, vol. 10, no 3, pp. 54–70.
- Welzel Ch. (2013) *Freedom Rising*. New York, NY: Cambridge University.